

МОТИВ СНА В ЛИРИКЕ Н.М. МИНСКОГО

Мотив сна является одним из самых распространенных в литературе рубежа XIX – XX веков. Он выполняет сюжетообразующую функцию в художественной системе многих писателей. В последнее время внимание филологов к этому мотиву растет. Работы современных ученых посвящены разным аспектам онейросферы в русской литературе. К числу наиболее концептуальных и содержательных исследований можно отнести докторские диссертации Н.А. Нагорной и О.В. Сергеева, кандидатские диссертации Н.В. Кузьмичевой, Ю.А. Кумбашевой, О.Ю. Славиной, монографии Д.А. Нечаенко, О.В. Сергеева, Б.С. Кондратьева, многочисленные статьи по данной тематике. В центре внимания ученых находились разные проблемы, связанные с формированием литературных образов сна и сновидения: физиологическая природа сна, история его восприятия в различные эпохи и в разных культурах, философско-эстетическое значение сновидений и др. Вместе с тем нельзя не отметить, что изучение функций и типологии мотива сна в целом ряде индивидуальных художественных систем, в том числе и в поэзии Н. Минского, еще даже не начиналось. Этим и обусловлена актуальность нашего исследования.

Целью данной статьи является анализ поэтического воплощения мотива сна в лирике Н. Минского. Этот мотив является одним из наиболее частотных в художественной системе поэта. В стихотворениях Минского тоже можно выделить ряд произведений, в которых дается представление об инобытии, существующем параллельно земной реальности: «Сон Агасфера», «Больной», «Боюсь я вечных звезд», «Среди природы» и др. Сновидения выполняют в художественном мире поэта и другие функции. В снах находят отражение мечты, надежды на светлое, но неизвестное и неясное будущее («Серенада», «В минуту скорби», «Была пора вражды», «В разлуке горькой»), воспоминания («Белые ночи. Ночь 5», «Элегия», «В одиночном заключении»); представления о загробном существовании души, обретающей успокоение и возрождающейся к новой жизни («Последняя жертва», «Два цветка», «Забвенье и Молчание», «Как сон пройдут дела и помыслы людей»). Сновидение может выступать в качестве посредника между двумя мирами («Преображение любви», «Я спал, но чутким сном», «Сон Агасфера»). Однако не только в состоянии сна герой Минского попадает в иную реальность или пытается постичь вечность. Минский создает еще одно пространство – реальность на грани сна и яви. Она очень зыбка и едва различима. Такая полуреальность представлена в стихотворениях «У порога сна», «Усталость», «Нет муки сладострастней и больней».

В ранний период творчества Минского сон выступал в роли некоего пространства, противостоящего окружающей мрачной действительности. В

спасительном сне для лирического героя Минского жизнь становилась ярче, красочней, веселее, свободней. Поэтому таким тягостным казалось возвращение в реальное земное бытие. Не случайно в стихотворении «Серенада» (1879) герой восклицает: «не просыпайся, мой друг, не разгоняй сновиденья веселые, не размыкай своих глаз» [5, с.9]. Он с горечью осознает, что только во сне можно спрятаться от безнадежности настоящего. Даже природа, казалось бы, не имеющая отношения к человеческому миру, отзывается на переживания людей, усиливает ощущение безысходности: «тянутся по небу тучи тяжелые, мрачно и сыро вокруг, плача, деревья качаются голые» [5, с.9]. Однако, несмотря на «осень холодную», герой все же не утрачивает надежд и мечтает о «ласках весны», о доле свободной, о возможности беззаботной жизни даже в замкнутом мире современной ему действительности, из которой никак не выбраться, где нет надежды на светлое будущее, нет выхода из «безысходной ночи». Но все эти мечтания – всего лишь «сны мимолетные». Они недолговечны. Очнувшись ото сна и увидев все, что окружает человека в действительности, больше никто не сможет уснуть. Герой даже приказывает: «не просыпайся», иначе потеряешь эту маленькую надежду, без которой жизнь становится сущим мраком. Он предупреждает – «горе проснувшимся», ведь в «тесной тюрьме» реальности им больше не сомкнуть своих глаз.

В стихотворении «Была пора вражды...» поэт вновь обращается к теме спасительного сна, однако здесь его герой не прячется в сонорном мире. Он раскрывает людям свои мечтания, желания, увиденные во сне. Хотя желанный образ бытия создается героем лишь в иллюзорном мире мечты, он надеется, что сможет вдохновить и окрылить окружающих его «рабов жизни», изменить их идеалы. Герой сокрушается, что реальность, не менявшаяся на протяжении многих веков, продолжает развиваться по уже пройденному кругу: «была пора вражды. Как ныне мир влачил в разврате и цепях» [5, с.68]. Много лет назад у людей не было ни идеалов, ни единой веры. В современной действительности происходит то же самое. В своих снах, пока не имеющих четких очертаний, герой ждет, надеется и верит в «грядущего пророка», который сможет искупить грехи людские, как это уже однажды сделал Иисус, «друг людей, печальный и простой».

В стихотворении, написанном годом позже, в 1885, поэт уже в названии настраивает читателя на пессимистический лад – «В минуту скорби». Во втором издании сборника «Стихотворения» это произведение получило название «Ноктюрн». Здесь сон воспринимается как эквивалент страшной яви. Несмотря на то, что скорбь овладела героем всего лишь на одно мгновение, чувствуется, что все стихотворение пронизано печальным и безнадежным настроением. Не только мир, окружающий героя, грустный и неизменно застывший, сам герой ощущает этот тяжелый воздух, витающий в обществе. Он одинок («никого я не люблю, все мне чужды, чужд я всем») и расстроен отсутствием какой-либо надежды на просветление в своей жизни и жизни

людской в целом. Герой уверен, что если все такие же, как и он, то мир, заполненный пессимизмом, никогда не изменится: «если души всех людей таковы, как и моя, не хочу иметь друзей, не могу быть другом я...» [6, т.1, с.234]. Герой не решается забыться сном, поскольку не видит разницы между окружающей его действительностью и миром сна. Последняя строфа свидетельствует о том, что сохраняется опасность замкнутости между двумя реальностями – сном и явью. Не будучи удовлетворенным ни одной из перспектив развития жизни, герой остается где-то на границе.

Пограничное местонахождение героя между мирами яви и сна подчеркивается уже в названии одного из ранних стихотворений Минского – «У порога сна». Стихотворение примечательно своей двуступенчатой структурой. Изначально герой находится в земной действительности: «на ложе одинокое я лег, задул свечу и, с головой закрывшись, предался чувствам и мечтам предсонным» [6, т.1, с.178]. В промежуточном ярусе действительности герой имеет возможность переосмыслить пережитое, подготовиться к переходу в «чуждый мрак» вечного сна и покоя. Однако единственное, что может сломить страх перед неясной вечностью, – это обретение полной свободы как над телом, так и над духом. В этом произведении находит выражение радость освобождения от «ужасов и призраков» земного существования. Пытаясь найти опору, душа героя «из глубины заветной вызывает / Все лучшие мечты свои о Боге, / О вечности, об истинной любви» [6, т.1, с.178]. Далее герой признается, что обычно содержание полусонных размышлений наутро восстановить ему не удастся. Вторая часть стихотворения представляет собой «текст в тексте». Здесь передается содержание тех мечтаний, которые посещают душу героя на границе сна и бодрствования. Монолог души звучит как гимн свободе. Душа больше не боится ни тишины, ни мрака, ни неба – «дальней бездны недоступной», ни гроба – «близкой бездны неминуемой», ни «укоризны иль суда умерших». Такое освобождение от земных страхов помогает ей постичь вечность: «Собой, как высшей силой, победила / Я демонов и ангелов, признавши / Детей природы равными себе. / И вот теперь с доверчивой улыбкой / Я отдаюсь влечению миров» [6, т.1, с.179]. Так душа приобщается к иным мирам: «покуда я живу, они мне служат возвышенным подножием, откуда я созерцаю вечный подвиг Бога. Когда ж умру, сама я стану частью подножия для родственной души, свободной и таинственной, как я» [6, т.1, с.179].

В своей драме «Альма» Минский уже обращался к теме преодоления земных страхов на пути к постижению вечности, меонического ничто, некоего небытия. Однако если Альма преодолела все страхи в земной реальности, то герой стихотворения «У порога сна» постигает свободу духа в сновидной действительности.

В стихотворении «Нет муки сладострастней и больней» герой так и остается на границе «меж сном и явью». Уставший и равнодушный к реальной жизни, он еще не готов к постижению иного мира. Таким же предстает и герой

стихотворения «Усталость», который также находится на границе между сном и явью: «ты полубодствуешь и любишь в полусне» [6, т.4, с.139]. Ему абсолютно чужды земные пристрастия, «людская речь не радует и пища не вкусна», он устал и хотел бы очнуться, отрешиться от такой действительности, где все покрыто «сетью усталости»: «о, если б раз проснуться нам, проснуться раз вполне» [6, т.4, с.139]. Земной мир приравнивается здесь к неудавшемуся и неотвязному сну.

Так возникает потребность в некоей альтернативной реальности. В стихотворении «Сон Агасфера» земная реальность, увиденная глазами героя, – это вулкан, извергающий «пороки жгучие и дымный чад страстей», это говор толпы, грохот карет, сверканье мишуры, нарядов, лиц, башен – какой-то блестящий сон, в котором он устал находиться. В непростом и грешном мире Агасфер не видит больше надежды на спасение земных его обитателей и себя самого. Он вопрошает: «какое утешенье, что ум людей окреп, что хитрый он исторг у мира мертвого немногих тайн решенье?» [6, т.1, с.215]. И сам же отвечает на свой вопрос: «В сердцах их – вот, где тьма гробницы!!» [6, т.1, с.215]. Страшнее всего оказалось то, что даже во сне, в казалось бы единственном месте, где можно было бы отвлечься от реальности, даже там Агасфер не может избавиться от назойливой действительности. Во сне герой видит все тот же город, такой же блестящий, с теми же пороками, но вызывающий еще большую тревогу. В нем «ему приснилась ночь, и вал, и грохот дальний <...> ручьи кровавых звезд струились в вышине» [6, т.1, с.214]. Уснув, Агасфер вновь попадает в тот миг, когда он был проклят, обречен на вечные скитания, на поиск святыни. Память Агасфера во сне бросает его из одного ужасного момента в другой. Обреченный Агасфер вновь и вновь, как и в реальном мире, разрывается стенаньями от осознания поруганных надежд. Он устал и умоляет вернуть ему «желанный сон могилы». Именно здесь, во сне, Агасферу является дух – гений разрушенья – как вестник, как спаситель от всех страданий. С его помощью Агасферу дается выбор: либо разрушить мир и «видеть гибели отрадную картину», которая принесет, наконец, успокоение, либо продолжить вечные скитанья по миру. Даже Агасфер, так много выстрадавший, так долго моливший о помиловании и прощении, не в состоянии выбрать желанный для него вариант развития. Увидев, что может произойти с миром, где нет правды, любви, цели, святыни («он видит город – пасть гиены. Там тени красные, смятенны, по красным улицам бегут, там крики тщетные растут и, вдруг, весь воздух содрогнулся и вспыхнул надо всей землей») [6, т.1, с.220], Агасфер в ужасе просыпается. В такой альтернативной реальности Агасфер жить не в силах, как и в земном мире, а иного выхода у него нет, поэтому он так и остается свидетелем очередного грехопадения человечества. Не имея возможности что-либо изменить, герой продолжает свой вечный путь в поиске успокоения.

Сходный хронотоп лежит в основе стихотворения «Больной». Здесь сон выступает в роли параллельной действительности, не просто спасительного

места для человеческого существа, но и в качестве мира, в котором можно все исправить, все начать с начала. Образ больного для поэта – это собирательный образ всех грехов и пороков общества. Это именно то состояние, к которому пришли люди, уверовавшие в ложные идеалы, не имеющие истинной святости. Больной в окружающей его жизни с горечью наблюдает процесс разрушения – результат следования всем канонам неидеальной жизни: «истерзанные люди», «груда мертвых тел», «народ, закованный в кровавые успехи». Однако даже осознавая весь ужас происходящего в реальном земном мире, герой не в силах что-либо изменить. Он не знает, что будет дальше. Ему чудится, будто какой-то злобный дух витает над миром и направляет все человечество по ложному пути. Герой с грустью и отчаяньем констатирует, что «весь мир застыл и ждет». Но нет надежды у этого ожидания, все будущее покрыто мраком и неизвестностью: «и взор его в грядущем читал страданья на земле и видел смерть в кровавой мгле» [6, т.3, с.155]. Такая реальность не радует героя, и он, обессиленный от осознания невозможности помочь, проваливается в светлый сон, в котором не было страданий и слез, не было «лживого бреда» земного существования. Здесь, в сновидной действительности, он мог все изменить. Такой бессильный в реальном земном мире, теперь он получает мощный импульс «с любовью направлять державные бразды» на познание любви и добра, избавить народ от страданий и нужды. Он сможет заставить всех поверить в возможность изменения будущего. Пространство памяти актуализирует образы предков, то единое прошлое, которое в инобытии сна обретает возможность изменения, корректировки. Однако даже во сне его надежды не оправдываются, мечтания остаются неосуществленными. Сон рассеивается, прерывается свободный полет мечтаний, остается только «мрачная гроза», растущая над миром.

Два мира сосуществуют в стихотворениях Минского как две параллельные действительности – реальная и ирреальная. Но насколько реально само земное существование? В стихотворении «Боюсь я вечных звезд» поэт уверяет, что земное бытие человека – это сон, полный «печали и позора». Он не раз повторяет в стихотворении: «и сон меня объял печали и позора» [6, т.4, с.163]. Обращаясь взором к небу, герой боится в очередной раз осознать греховность и неидеальность существования на земле. Звезды для него выступают символами чистоты и непорочности, они ярко освещают все недостатки земного бытия. Как только он просыпается от «сна земного», он обретает способность парить, ощущение радостной свободы: «нет во мне грехов, и нет на мне цепей». Эти мгновения пробуждения для него дороги, он не чувствует никаких укоров совести, он спокоен. Как только сон поглощает его, герой чувствует еще большую тяжесть «сна земли», чем прежде.

В моменты, когда герой находится на границе сна и яви или существует в параллельном пространстве и пытается изменить реальность, он сталкивается с представителями этих параллельных миров, чаще всего с духами, сошедшими к нему свыше или из-под земли («Я спал, но чутким сном...», «Среди природы»),

со своим собственным вторым «я» («Преображение любви»). Эти персонажи дают герою возможность переосмыслить жизнь, что-то изменить, выступают в роли посредников между двумя мирами.

В стихотворении «Преображение любви» образ некоего духа выступает в качестве двойника героя: «я – твой же дух преобразенный». Спасаясь от утомительной реальности, герой, больной и уставший, взбирается на высокую гору, где нет ничего, кроме снегов и скал и там пытается спрятаться от земных обитателей. Там же, высоко в горах, его второе «я» рисует перед ним картину его земной любви, убеждая в ложности всего, к чему был привязан герой на земле: «твоя любовь – развалин гряда». Дух и герой ведут диалог, в котором каждый пытается доказать свою правоту. Однако двойник героя, воплощающий скрытые движения его души, утверждает, что земная любовь – это всего лишь «исканье чуда». Если же чудес не существует, то нет и любви. Воспоминания о земной любви героя реализуются в традиционных поэтических штампах: «румяные губы», «густые пряди кос», «слишком тонкий стан», «младенческая грудь». По мысли антипода лирического героя, такая любовь таила в себе только «ложь и тьму» и принесла герою не радость и упоение этим чувством, а глубокую ненависть. Дух уверяет героя, что любить согласно заповедям Божиим ближнего своего бессмысленно. Такая любовь не приносит удовлетворения. Но есть любовь, которая всегда близка человеку, – это любовь к свободе: «взамен семьи, друзей, отчизны, взамен кумира одного, люблю игру свободной жизни, себя и всех – и никого» [6, т.4, с.36]. Такую любовь к свободе и должен проповедовать герой в земной жизни: «но ты вернись в тот мир, – живи и возвести преобразенье, свободы близкое рожденье» [6, т.4, с.38]. В таком спасительном сне герой не только переосмысляет свое понимание любви, но возрождается к новой жизни, пусть одинокой, но свободной: «безмолвье, холод, мрак, успокоенье. И я не знал, то смерть иль возрожденье» [6, т.4, с.38]. Совершенно очевидно, что отказ от альтруистической любви к человечеству в пользу индивидуалистического понимания свободы и чувства демонстрирует переход Минского от традиционных гражданских ценностей к декадентскому миропониманию.

Такое стремление к созданию некой альтернативной действительности, которая могла бы заместить несовершенное состояние современного общества, находит отражение и в стихотворении «Я спал, но чутким сном...» [6, т.4, с.156]. Здесь тоже моделируется сонорная действительность, в которой некий дух сходит с небес и призывает к созданию нового мира. Этот дух с «трепещущими крыльями» властно приказывает герою: «возьми хаос и мир нетленный сотвори». Для испуганного героя этот приказ представляется невероятным и невозможным. Его волнует вопрос, из чего создавать новый мир: «где обрету хаос?». Сошедший к герою откуда-то из неизвестности дух указывает ему как на физические, так и на духовные ценности человечества, утратившие свою актуальность: «вот храмы ветхие, кумиры, алтари. Разрушь и создавай». Герой следует этому зову и обрекает себя на долгий кропотливый

труд творения нового мира. «Клянусь, я этот мир дряхлеющий разрушу и снова превращу в зиждательный хаос», – обещает он, тем самым претендуя на роль сотворца, сверхчеловека, которому подвластно все. Благодаря посланнику иной реальности, заставившему его очнуться от «сна бессилия» земного мира, герой обретает мужество и силу, наполняется радостью и гордостью от осознания того, что именно на него возложена такая миссия. Эта аллегорическая картина миротворения свидетельствует о формировании богоборческих мотивов в творчестве Минского. Утрата прежних святынь требует деятельного замещения устаревших ценностей, созидания нового совершенного мира.

Встреча с посланником иной реальности обычно происходит неожиданно. Герой может видеть либо полностью существо, пришедшее к нему, как в «Преображении любви», либо частично, как в стихотворении «Я спал, но чутким сном...». И в первом и во втором произведениях дух представляется герою чем-то светлым и свободно передвигающимся: «и вдруг я услышал трепещущие крылья» [6, т.4, с.156] («Я спал, но чутким сном»). Он обладает способностью изменять облик: «одеждой жрец, осанкой воин стройный, взшел мой легкий спутник. И едва он неподвижно стал, достигнув цели, на нем, как снег, одежды побелели, сияньем увенчалась голова» [6, т.4, с.32] («Преображение любви»).

Однако в стихотворении «Среди природы» героя в его сновидениях посещает не дух, а существо, символизирующее потусторонний мир, – смерть. Она настолько устрашающая, что не может сравниться с персонажами других снов, светлыми представителями иномирия. В предыдущих стихотворениях герой испытывает чувство страха и одновременно благоговения, как перед божественным существом. В стихотворении же «Среди природы» ощущается физический, почти животный страх перед возможностью исчезновения, предощущение чисто биологических этапов умирания. Поэт рисует традиционный образ Смерти: «истлевшие груди висели, глазницы пустые сочились на дне, во рту улыбавшемся черви кишели и руки за лаской тянулись ко мне» [6, т.4, с.194]. Будучи посланником потустороннего мира, Смерть заставляет человеческое существо задуматься о смысле бытия и небытия, подготовиться к пути в вечность. Герой мысленно обращается к тем, кто уже закончил свой земной путь: «я к вам пришел, мои младшие братья, вы чувству отрадны, хотя и мертвы. Когда я дождусь ледяного объятья, я стану спокоен и чужд, как и вы» [6, т.4, с.195].

Минский находится в постоянном поиске утраченных святынь. Но возникает вопрос: что предлагает поэт взамен них? Согласно собственным философским построениям, нашедшим выражение в знаменитом трактате «При свете совести» Минский утверждает, что святыня – это нечто нереальное, недостижимое, несбыточное, как мечта. Но стремление к ней придает человеку силу и желание двигаться дальше. Находясь в поиске святыни, человек преодолевает определенные земные преграды, приближающие его к вечному ничто, к мзону, где можно обрести успокоение. Одной из таких преград, по

Минскому, становится страх перед земным исчезновением, страх смерти. Этот страх лирический герой поэта пытается преодолеть в состоянии сна, как мы видим в стихотворениях «Последняя жертва», «Два цветка», вошедших в сборник «Новые песни».

Стихотворение «Последняя жертва» состоит из двух частей. Художественное пространство имеет вертикальную векторную направленность, соответствующую библейским канонам. Автор характеризует небесный и подземный миры. Так, в первой части стихотворения возникает картина подземного существования человеческой души, находящейся в оковах своего праха. Все попавшие туда, в результате завершения земного существования, погружаются в долгий сон: «мы лежали в гробах в темноте и тепле». Червь, как символ не только биологического разложения, но и эквивалент змея-искусителя, всезнающего и вечного, «изгибаясь, стоял пред отверстием ушным и разгадку шептал всем загадкам земным» [6, т.4, с.198]. Он представлен владыкой подземного мира мрака и тьмы, посредником между миром живым и неживым.

Во второй части стихотворения слышится звук «трубы» небесной, возвещающей начало Суда Божьего: «вся воскресшая плоть устремилась туда, где творец и господь восседал для суда» [6, т.4, с.199]. В результате души, ждущие суда в царстве червя, попадут либо в ад, либо в рай, на вечное успокоение, «где избранника взор вечность света ждала, и где вечный костер ждал приспешников зла» [6, т.4, с.200]. Таким образом, осмысляется путь человечества от бытия к небытию путем перехода из реального мира в подземный, где в состоянии вечного сна ожидается переход в небесную реальность, к пробуждению.

Таким образом, при рассмотрении поэтического творчества Минского можно определить, что мотив сна выполняет сюжетообразующую и характерологическую функции. С его помощью формулируются основные положения философской системы поэта, воссоздается образ лирического героя Минского.

Литература

1. Кондратьев Б.С. Сны в художественной системе Ф.М. Достоевского. Мифологический аспект / Кондратьев Б.С. – Арзамас, 2001. – 268 с.
2. Кузьмичева Н.В. Мотив сна в поэзии русских символистов: На материале поэзии Ф. Сологуба: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / Кузьмичева Н.В. – Ярославль, 2005. – 176 с.
3. Кумбашева Ю.А. Мотив сна в русской лирике первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Кумбашева Ю.А. – СПб., 2001. – 230 с.
4. Лотман Ю.М. Сон – семиотическое окно / Лотман Ю.М. // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С.123 – 126.
5. Минский Н.М. Стихотворения. / Минский Н.М. – Спб., 1896. – 343 с.

6. Минский Н.М. Полное собрание стихотворений: в 4 тт. / Минский Н.М. – Спб.: Изд-ние М.В. Пирожкова, 1907.
7. Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. – М., 2004. – 414 с.
8. Нечаенко Д.А. Сон, заветных исполненный знаков. Таинства сновидений в мифологиях, мировых религиях и художественной литературе / Нечаенко Д.А. – М., 1991. – 302 с.
9. Сергеев О.В. Поэтика сновидений в рассказах Федора Сологуба / Сергеев О.В. – М., 2002. – 114 с.
10. Сергеев О.В. Алексей Ремизов – узник снов. Поэтика сновидений в прозе А.М. Ремизова 1890 – 1910-х годов / Сергеев О.В. – М., 2002. – 358 с.
11. Славина О.В. Поэтика сновидений (на материале прозы 1920-х годов): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Славина О.В.– Спб., 1998. – 160 с.
12. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / Ханзен-Лёве А. [Пер. с нем. С. Бромерло, А.Ц. Масевич, А.Е. Барзах]. – Спб.: «Академический проект», 1999. – 512 с. (Серия «Современная западная русистика», т.20).

Анотація

Котенко Ю.В. Мотив сну в ліриці М.М. Мінського.

У статті досліджуються функції мотиву сну у творчості Н. М. Мінського. Аналіз ліричних творів дав підставу стверджувати, що в художній системі поета сон здебільшого виступає як простір інобуття, альтернативна реальність. Показано, що сон співвідноситься з такими онейричними станами, як мрія, марення, видіння. Сонорний простір вступає в опозицію із земною реальністю й заміщує її у свідомості героя або існує паралельно з нею. У творах Мінський мотив сну виконує сюжетоутворюючу й характерологічну функції. З його допомогою формується образ ліричного героя.

Ключові слова: мотив, онейросфера, иномирие, сонорна дійсність, хронотоп.

Аннотация

Котенко Ю.В. Мотив сна у лирике Н.М. Минского.

В статье исследуются функции мотива сна в творчестве Н.М. Минского. Анализ лирических произведений дал основание утверждать, что в художественной системе поэта сон зачастую выступает в качестве иномирного пространства, альтернативной реальности. Показано, что сон соотносится с такими онейрическими состояниями, как греза, мечта, видение. Сонорное пространство вступает в оппозицию с земной реальностью и замещает ее в сознании героя или существует параллельно с ней. В произведениях Минского

мотив сна выполняет сюжетобразующую и характерологическую функции. С его помощью формируется образ лирического героя.

Ключевые слова: мотив, онейросфера, иномирие, сонорная действительность, хронотоп.

Summary

Kotenko Y. V. Motive of a dream in N. M. Minskiy's poetry.

This article is devoted to the analysis of the function of a dream in N. M. Minskiy's poetry. The analysis of his lyric poetry gives us an opportunity to affirm that in this poet's system a dream plays the role of a parallel space or an alternative reality. It is shown that a dream correlates with such oneyro states as a daydream, a walking dream, a vision. The resonant space comes into opposition with an earth reality and replaces it in the main character's mind or exists in parallel with it. In N. M. Minskiy's poetry the motive of a dream functions as a plot and character maker. With the help of it the image of a lyric character appears.

Key words: a motive, oneyrosfera, a parallel space, resonant reality, chronotope.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук, доцентом Поборчей И. П.